

«ПИСЬМА С ПОНТА»

Виноградов Ю.А.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ГРЕЧЕСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**Vinogradov Yu.A. Greek colonization and Greek urbanization of the Northern Black Sea region.**

In the article the thesis that the Greek colonization of the Northern Black Sea region was from the very beginning also the urbanization of the Northern Black Sea region. Having analyzed modern ideas about the essence and content of the notion «Polis» itself, the author, firstly, notes that settlements, founded by Greeks in the Northern Black Sea region could be «Poleis», not being towns. Secondly, the data of archaeology show that all these settlements were initially rural settlements, and only about 70-80 years (general regularity) after the founding part of them turned into towns. On the other hand, on Bosporos there are registered settlements, that are characterized by compact building and defensive constuctions. On these grounds they are often regarded as towns. The author disagrees with this point of view and thinks that on Bosporos about 6 or 7 Poleis centres were towns. The rest of the settlements were in a subordinate relation to them and were not towns.

Проблема, вынесенная в название статьи, ни в коей мере не может считаться новой для отечественного антиковедения, но, несмотря на огромные успехи в археологическом изучении греческих городов северного берега Понта, большой накопленный материал и имеющиеся конкретные разработки, она все еще далека от удовлетворительного понимания. Одной из причин такого положения представляется видимая простота решения: поскольку известно, что греческая цивилизация была городской, то таковой она должна была переместиться и в районы колонизации. «Высокое мастерство греческих строителей в архаический период и издавна сложившиеся в метрополии архитектурные традиции целиком были перенесены во вновь основанные города Северного Причерноморья,» — так писал по данному вопросу А.Н.Карасев (1955: 188).

Признавая известную правоту этого суждения, все-таки следует подчеркнуть, что последовательное проведение заключенных в нем идей на практике закономерно ограничивает сферу научного поиска. Исследователям остается лишь реконструировать облик того или иного из северопричерноморских греческих городов, опираясь на материалы раскопок, показать характер его застройки, наличие фортификации, храмов или святилищ, охарактеризовать развитие ремесла и т.д. Основной пафос таких повествований, как правило, сводится к демонстрации того факта, насколько здешние города схожи с центрами метрополии. Обозначенный подход, в общем, вполне закономерен и психологически объясним, но все-таки явно недостаточен, — ведь не стоит вновь и вновь доказывать

то, что в особых доказательствах не нуждается.

Даже априорно можно полагать, что основной в изучении греческих городов региона должна стать проблема адаптации, то есть проблема приспособления греческой городской цивилизации к сложным климатическим, экологическим, демографическим, военно-политическим и пр. условиям Северного Причерноморья. При таком подходе внимание ученых должно концентрироваться уже не столько на сходстве, сколько на различии греческих колоний северного берега Черного моря с центрами метрополии.

Начать надо, собственно, с того, что греки не могли представить своего существования, с одной стороны, вне городской цивилизации, а с другой, — вне полиса, традиционно понимаемого как город-государство. Сам термин «полис», как хорошо известно, означает и собственно «город», и своеобразный тип государственного устройства Древней Греции, а если более точно, то укрепленную твердыню (первоначальное значение), город, страну и государство (Hansen 1993: 9 ff.; idem 1995: 26 ff.). Поскольку греческие колонии в основном конституировались как полисы (Graham 1964: 5; Snodgrass 1986: 49; Блаватский, Кошеленко, Кругликова 1979: 13), то необходимо хотя бы в первом приближении представить себе структуру этого феномена и уже в его рамках подходить к изучению вопросов урбанистики.

Проблема становления и развития полиса привлекала и привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В свое время большой научный интерес вызвала идея Г.А.Кошеленко о том, что устоявшееся понимание полиса как города-государства нельзя

считать вполне удовлетворительным, оно шире, многогранней, чем просто город с принадлежащей ему сельской территорией. Прежде всего, это гражданская община землевладельцев, а от того, будет ли она иметь один, два городских центра или же не иметь ни одного, суть его не изменится (Кошеленко 1979: 5; Кошеленко 1983: 10-11). Опираясь на разработки западных ученых, он посчитал, что такой важнейший полис, как Афины, имел два городских центра (Афины и Пирей), а Спарта таковым вообще долго не обладала. Имеются и другие материалы, которые некоторым исследователям позволяют полагать, что в Древней Греции существовали полисы, лишённые выраженного городского центра (см. Kolb 1984: 59,66).

Критикуя эту концепцию, Э.Д.Фролов отмечал, что Пирей — это не город, а порт, пример же Спарты вообще не характерен, так что исходное социологическое значение полиса заключается именно в элементарном единстве города и сельской округи (Фролов 1988: 48). Но это, возможно, и верное теоретическое положение в плане археологического изучения древнегреческой цивилизации создает определенное затруднение, упирающееся в понимание города. Нетрудно представить, что при таком подходе любое исследованное археологически поселение городского типа, в принципе, можно трактовать как полис. К примеру, если предположить, что мы бы начали археологическое изучение Пирея, ничего не зная о структуре Афинского полиса, то это крупное, хорошо укрепленное поселение, застроенное по единому плану, следовало бы признать и городом, и полисом. Или пример совершенно противоположного свойства: Страбон сообщает о мисийском полисе Филадельфии, в котором город в силу частых землетрясений имел небольшое население, большинство же граждан проживало в селениях, занимаясь земледелием (Strabo 13. 4,10). Очень может быть, что, исследуя Филадельфию археологически, мы бы получили пример полиса, который не имел городского центра, или, во всяком случае, обоснованность его вычленения вызвала бы немалые споры. В этой связи, правда, будет уместным напомнить великолепный пассаж Фукидида о, так сказать, объективной ограниченности археологического знания. Древний историк справедливо считал, что, если бы Спарта и Афины представляли собой, выражаясь современным научным языком, городища, то в силе лакедемонян возникли бы огромные сомнения, а мощь афинян была бы в два раза преувеличена (Thuc. 1. 10,2). Не преувеличиваем ли и мы информативное значение археологии, когда любое античное городище именуем городом?

Очень большое значение для понимания становления и ранней истории полиса, как известно, имеет вопрос о синойкизме, когда из нескольких самоуправляемых общин путем ссе-

ления создавался один сравнительно крупный центр. Классический пример такой акции — синойкизм Аттики, проведенный легендарным Тесеем (Thuc. 2. 15,2). Известно также, что Родос был создан в конце Пелопоннесской войны из трех автономных общин (см. Thuc. 8. 44,2; Strabo 14. 2, 11), Мегара — из пяти деревень (Plut. Mor. 295 В-С). После поражения, нанесенного Спарте фиванцами, подобным образом был организован Мегалополь (Paus. 8. 27,1-2). Небезынтересно будет отметить, что в противовес синойкизму в греческой истории известен и диойкизм, то есть ликвидация города и расселение граждан полиса по деревням (Андреев 1998: 60; Hansen 1995: 75). К примеру, это произошло с Фокидой при Филиппе II (Diod. 16. 60,2; Paus. 10. 3,2), а Мантинея была подвергнута диойкизму спартанцами в 386 г. до н.э. (Xen. Hell. 5. 2,7), а в 370 г. до н.э. вновь восстановлена синойкизмом (Xen. Hell. 6. 5,3).

В отношении синойкизма следует подчеркнуть, что крайне сомнительным представляется его однозначное понимание как акции поглотительного сселения жителей в один городской центр. В структуре Мегалополя, как свидетельствует Павсаний, оставались некоторые из прежних городов, которыми жители Мегалополя пользовались как своими поселками (8. 27,5). Сообщение Фукидида о тесеевом синойкизме Аттики также указывает на то, что люди продолжали жить на своих полях, как и раньше (2. 15,2). Э.Д.Фролов в связи с этим вполне обоснованно пишет, что тогда было покончено с автономией отдельных аттических городов и городков, но основная часть населения «оставалась жить в своих старинных селениях» (Фролов 1988: 87), то есть синойкизм в данном случае, а надо думать, что и в некоторых других, носил прежде всего политический, а не физический характер.

Приведенные факты позволяют предполагать, что в структуре Афинского полиса было несколько городков (Элевсин, Декелея, Марафон и др.) и к тому же еще один вполне урбанистический центр — Пирей. К сожалению, эти аттические городки практически не исследованы археологически, но сам факт их существования от этого не может вызывать особых сомнений. В связи с этим очень показательным представляется свидетельство Псевдо-Скилака, который в своем описании берегов Греции говорил о городах (полисах) афинян, среди них — Саламин (Ps.-Scyl. 57), или о городах (полисах) Мегар (Ps.-Scyl. 39). Не выходя из очерченного выше круга показательных примеров, следует обратить внимание, что Страбон в составе полиса Родос называл города, которые существовали до синойкизма (14. 2,11). К.М.Колобова по этому поводу писала, что «родосский синойкизм имел свои оригинальные черты: при полном политическом объединении всего острова, три древних города не превратились в поселки, но сохранили свое значение городов»

(1951: 89). Оригинальность, отмеченная К.М. Колобовой, тем не менее была достаточно типичной, а по этой причине в понятии “полис”, как отмечал М.Х. Хансен, надо различать два смысла — урбанистический и политический (Hansen 1996: 7, 25-26, 32). Конечно же, в приведенных выше свидетельствах древние авторы вкладывали в это понятие урбанистический, а не политический смысл. Но что же в таком случае эти поселения, столь похожие на города, представляли из себя в плане политическом, какое положение они занимали в структуре полиса?

В высшей степени важным в этом отношении, на мой взгляд, является одно свидетельство Геродота. Имеется в виду эпизод с философом Фалесом, точнее, с советом, который тот дал ионийцам, опасавшимся персидского нападения (Herod. 1, 170,3). “Он предложил ионянам построить один общий дом для совещаний (булевтерион), именно на Теосе, так как Теос лежит в сердце Ионии. Отдельные города (полисы) тем не менее должны были сохранить самостоятельность, но только как местные общины (демы)” (перевод Г.А. Стратановского). План, как известно, не был реализован, но он дает пример образования нового полиса путем синойкизма, опять же политического, а не физического (ср. Вернан 1988: 154; Hansen 1995: 56). Входившие в новую структуру некогда самостоятельные полисы, как видим, теряли это свое качество, превращаясь в демы. Последнее очень важно, поскольку именно демы (комы) были основной ячейкой общественных связей в Древней Греции периода ранней архаики, на их базе происходила дальнейшая эволюция политического строя, формирование классического полиса (Яйленко 1990: 18; Schoeffer 1903: 1, 34; Rhodes 1993; Hansen 1995). Можно согласиться с М.Х. Хансеном и признать, что греческие общины в политическом смысле могли быть либо полисами, либо демами (Hansen 1996: 14). В отношении полиса, который предлагал создать Фалес, уместно будет добавить, что, всего скорей, его бы назвали Теос, а демами в нем были бы Клазомены, Эфес, Милет и другие важнейшие центры Древней Греции того времени. Необходимо подчеркнуть и то, что с теоретической точки зрения для греков было вполне допустимо существование полиса, состоявшего из нескольких не просто урбанистических центров, но и, как в данном случае, из настоящих городов, хотя подобное новообразование следовало бы, скорей, именовать не полисом, а “мегаполисом”.

Среди таких, но уже реально существовавших “мегаполисов” можно назвать Афины, Коринф, Милет, Родос и др. Родос при этом начал создавать Перею, то есть собственные владения на материке, в состав которых входили и города, еще до синойкизма (Колобова 1951: 129, 138; Fraeser, Bean 1954: 95), тогда же были инкорпорированы и некоторые из близлежащих

островов (Fraeser, Bean 1954: 139). Как видим, тенденция к созданию достаточно крупных государственных образований обозначилась в Древней Греции сравнительно рано, во всяком случае до эпохи эллинизма, хотя именно в эпоху эллинизма она раскрылась в полной мере. Тогда на основе синойкизмов и симполитий создавались весьма сложные структуры, отличавшиеся от классических полисов. В их владения входили не только деревни, различные укрепленные поселения, но даже и другие полисы (Свенцицкая 1960: 92-93; Hammond 1972: 196 ff.). Очень показательный пример такого рода — конечно, Родос (Горлов 1990: 206-207), который, как говорилось, начал трансформацию в этом направлении значительно раньше.

Разумеется, следует признать, что такие крупные экономические и политические центры в количественном отношении в Греции архаической эпохи, да и позднее, отнюдь не доминировали. Большинство полисов имело микроскопические размеры (Андреев 1989: 72; он же 1998: 60 сл., 74-75; Hansen 1993: 14), которые вполне соответствуют требованию Аристотеля, чтобы население и территория полиса были легко обозримы (Polit. 7. 1322a). Идеальный полис Платона, как известно, должен был включать 5040 полноправных граждан (Legg. 737e, 745c). Большинство же реальных полисов, всего скорей, не имело и такого количества граждан, а древнегреческие города часто были меньшими по размерам, чем современные деревни (Hansen 1993: 14). Думается, что к этим поселениям с полным основанием можно отнести характеристику, которую Исократ дал городам Пелопоннеса. Знаменитый оратор в отношении здешних мелких местечек сказал, что местными жителями они назывались полисами, но их значение было меньшим, чем у аттических демов (Isokr. 12. 179). В общем, можно признать вполне справедливым заключение Э.Д. Фролова, что реальное воплощение полисного начала в Древней Греции было достаточно парадоксальным (1988: 53).

Речь выше шла о полисах метрополии, а в районах греческой колонизации ситуация, всего скорей, была еще сложнее. Проблема колониального полиса, однако, исследована пока очень слабо, по большей мере на местные условия просто экстраполируются классические схемы метрополии, хотя логично ожидать, что на периферии античного мира эти схемы могли существенным образом трансформироваться. В этом плане, прежде всего, следует обратить внимание на своеобразие полисов Великой Греции. По свидетельству Страбона (6. 263) известно, что Сибарис правил четырема племенами и двадцатью пятью зависимыми городами. Со всем не случайно в научной литературе он порой именуется небольшой империей, которая частично состояла из территорий подчиненного местного населения, а частично — из коло-

ний, контролировавшихся этим центром (Dunbabin 1948: 153; Graham 1964: 91). Как представляется, подобным образом, то есть через выведение зависимых колоний, развивалась экспансия Сиракуз (Dunbabin 1948: 112; Graham 1964: 92).

В других районах греческой колонизации картина взаимоотношений метрополии со своими колониями предстает также весьма своеобразной. Так, имеются веские основания считать, что Массилия осуществляла контроль над своими колониями (Циркин 1981: 46; Козловская 1984: 50). Еще более отчетливо это своеобразие проявляется на берегах Черного моря. По сообщению Ксенофонта известно, что колонии Синопы (Котиора, Керасунт и Трапезунт) были подчинены метрополии и платили ей дань (Anab. 5. 5.7,10), а Котиора даже управлялась синопским наместником (Anab. 5. 5,19). М.И.Максимова считала, что это совершенно не укладывается в рамки нормальных для Греции отношений между метрополией и колониями (Максимова 1956: 76). Несмотря на эту информацию, А.Грэхем отмечал, что колонии Синопы в силу удаленности от метрополии не могли быть частями единого государства (Graham 1964: 202). По его мнению, такая тесная зависимость проявлялась только при колонизации, так сказать, на близком расстоянии, которая по этой причине выделяется в особый феномен (Graham 1964: 90). Он подчеркивал, что в ситуации, когда колония и метрополия находились рядом друг с другом, их взаимоотношения иногда были столь тесными, что колонию можно назвать продолжением организующегося государства. Если даже это было не так, то метрополия все-таки могла осуществлять достаточно жесткий контроль над своей колонией (Graham 1964: 96, 117; ср. Козловская 1984: 45).

В отношении Северного Причерноморья следует признать, что схема структурной организации полиса из нескольких городов стала вполне типичной. Так, Ольвия состояла из двух центров — собственно города Ольвии и Березани (Виноградов Ю.А. 1976: 75 сл.; он же 1989: 67-68). Дорический Херсонес достаточно скоро включил в свою политическую структуру еще два города — Керкенииду и Калос-Лимен (Щеглов 1976: 77, 82-83; он же 1978: 120; Зубарь 1993: 27, 101; он же 1997: 25-26). Новая политическая структура нашла отражение в присяге херсонеситов, которая требовала от граждан всячески оберегать Херсонес, Керкенииду, Калос-Лимен и прочие укрепленные пункты (IOSPE. I.² 401). А.В.Кутайсов считает, что Керкениида первоначально была типичным эллинским городом (Кутайсов 1990: 143 сл., 156 сл.; он же 1992: 61-62, 110), и от вхождения в состав Херсонесского полиса в его экономике и тем более внешнем облике ничего не изменилось. Изменился лишь политический статус.

С полисами Боспора Киммерийского дело

обстоит значительно сложнее. Достаточно распространена точка зрения, что все известные здесь города и городки, а их, если судить по сведениям античной письменной традиции, было около тридцати (см. Латышев 1909: 61 сл.; Гайдукевич 1949: 154 сл.; Gajdukevic 1971: 32 ff., 170 ff.), до образования единого Боспорского государства были независимыми полисами (см. Шелов-Коведяев 1985: 51, 55). И.Г.Шургая в их составе выделял более крупные полисы — Пантикапей, Фанагория, Феодосия, а также сравнительно мелкие — Китей, Нимфей, Тиритака, Мирмекий и др. (Шургая 1977: 38). Если же подойти к имеющимся источникам строже и попытаться ответить на вопрос, какие же боспорские города действительно были полисами, то эта усредняющая картина окажется не столь очевидной. На мой взгляд, полисами в данном районе можно считать лишь те центры, сведения об основании которых сохранила античная письменная традиция, которые чеканили монету (ср. Martin 1995) и имели собственный этникон (ср. Fraser 1995; Hansen 1996a), то есть название граждан типа “феодосиец” или “пантикапеец”. Специальное исследование показало, что этим требованиям в той или иной степени удовлетворяют шесть центров: Феодосия, Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы (Виноградов Ю.А. 1993: 79 сл.; он же 1995: 65 сл.).

Возможно, к этому списку следует добавить седьмой полис — Горгиппию, где сравнительно недавно были открыты показательные строительные комплексы второй половины VI в. до н.э. (Алексеева 1991: 69 сл.). Если верно широко распространенное отождествление Горгиппии с Синдской Гаванью (см. Завойкин 1998), то о последней известно, что она была “населена эллинами, пришедшими из соседних мест” (Ps.-Scymn. 869), а это можно рассматривать как свидетельство об основании поселения. Порой к чекану Синдской Гавани относили так называемые синдские монеты (см. Болтунова 1964: 148 сл.; Грач 1972: 133 сл.; Шелов 1981: 241), но это, в общем, сомнительно (Тохтасьев 1984: 141; Шелов-Коведяев 1985: 125). Зато не вызывает сомнения чеканка Горгиппией монеты в позднеэллинистическое время, а она имела этникон “горгиппийцев” (Шелов 1956: 176, табл. IX, 115; Анохин 1986: 72 сл., №№ 209-211). Из Горгиппии происходят к тому же такие важные и редкие на Боспоре эпиграфические документы, как списки граждан, относящиеся, правда, к эллинистическому и римскому времени (КБН 1137-1191). Если допустимо в этих поздних свидетельствах усматривать намек на особое положение поселения и в более раннее время, то можно согласиться с Е.М.Алексеевой и признать Горгиппию (Синдскую Гавань) еще одним боспорским полисом (Алексеева 1991: 19 сл.). Таковую же методику вычленения полисов применил Г.Р.Цецхладзе и признал таковыми все обозначенные выше центры и ни одного бо-

лее (Tssetskhladze 1997: 44-59; см. также Молев 1997: 9).

Остальные так называемые “малые города” Боспора считать автономными центрами особых оснований нет. Всего скорей, они входили в состав того или иного полиса. В отношении северо-восточной части Керченского полуострова можно полагать, что она принадлежала одному полису — Пантикапею (Виноградов Ю.А. 1993: 91). Соответственно, в его состав входили такие “малые города”, как Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий и др. На всех из них, подвергавшихся археологическим раскопкам, засвидетельствовано наличие урбанистической системы застройки, а Мирмекий назван городом даже в письменных источниках (Ps.-Scyl. 68). Страбон, однако, именовал Мирмекий то городком (7. 4, 5), то деревней (11. 2, 6). В.Ф.Гайдукевич на этом основании даже предполагал, что в раннее время это поселение имело большее значение, чем позднее (Гайдукевич 1941: 97). Такое заключение, однако, вряд ли можно признать бесспорным.

Напомню, что Псевдо-Скилак, именовавший Мирмекий городом, писал также о городах Афин и Мегар (Ps.-Scyl. 39, 57), то есть политического смысла в этот термин он явно не вкладывал. Стремление некоторых исследователей продемонстрировать известную надежность терминологии этого автора, в общем, далеко не бесспорно (см. Hansen 1996: 30 ff; Flensted-Jensen, Hansen 1996: 147 ff.). Псевдо-Скилак все-таки составлял географический труд для мореплавателей, а не политический трактат, и термин “полис” он вполне мог употребить в физическом, то есть урбанистическом смысле. Страбон же, как представляется, стремился подходить к терминологии более строго (Грацианская 1988: 124-125), к примеру, он резко возражал против существовавшего в античной традиции отождествления с городами иберийских больших деревень (3. 4,13). Информация Страбона дает основания предполагать, что Мирмекий и другие названные поселения являлись комами в составе Пантикапейского полиса, хотя и имели признаки городской застройки. Такая система расселения на Боспоре, вызванная, как надо полагать, особенностями демографической и военно-политической ситуации в районе, сложилась достаточно рано во время так называемой вторичной колонизации, исходящей, как в данном случае, от Пантикапея. О своеобразии этих “малых городов” в структуре полиса речь пойдет ниже.

Сейчас же следует обратить внимание на то, что в последнее время выкристаллизовались две точки зрения по вопросу о реальном статусе ранних греческих поселений на Боспоре в сравнении с центрами Нижнего Побужья. Г.Р.Цецхладзе считает, что первоначально боспорские колонии не были полисами, а лишь апойкиями (Tssetskhladze 1997: 59, 81), до уров-

ня полисов они, так сказать, доросли позднее, при этом после Ольвии. Вторая точка зрения сводится как раз к противоположному. Выдающийся отечественный антиковед Д.Б.Шелов в одной из последних своих работ выразил это мнение таким образом, что боспорские колонии с самого начала были организованы как полисы, а Ольвия такой организации какое-то время не имела (Шелов 1994: 102, 104).

Вторая гипотеза, которая, как видим, уже достаточно укоренилась в научной литературе, обязана разработкам киевских исследователей, которые в совокупности порой называются “теорией синойклизма” Ольвийского полиса. Обозначенный подход восходит к трудам В.В.Лапина и, в общем, заключается в том, что на начальном этапе освоения греками Нижнего Побужья все здешние поселения (в том числе и Ольвия) представляли собой деревни, состоявшие из заглубленных в землю жилых и хозяйственных комплексов типа полуземлянок (Лапин 1966: 176). По мнению В.В.Рубана, Ольвия как город сформировалась в первой половине V в. до н.э., и связано это с синойклизмом, то есть с переселением в Ольвию населения всех окрестных деревень (Рубан 1977: 43; ср. Козуб 1979: 316). С некоторыми модификациями эта точка зрения бытует и сейчас, обогащаясь все новыми теоретическими выкладками. К примеру, С.Д.Крыжицкий и В.М.Отрешко пишут, что “Ольвийское поселение до конца третьей четверти VI в. до н.э. полисом или иным автономным политическим образованием являться не могло” (Крыжицкий, Отрешко 1986: 8). Но тогда чем же оно являлось?

Для ответа на этот вопрос возводится еще одна теоретическая конструкция, в соответствии с которой в освоении греками северного берега Черного моря можно выделить две линии:

1. Организованная, целенаправленная колонизация полисного типа (Березань, Пантикапей).
2. Стихийная, сугубо аграрная колонизация, которая выразилась в организации так называемых агломераций Нижнего Побужья, то есть сельских поселений, застроенных полуземлянками (Крыжицкий, Буйских 1988: 6-7; Крыжицкий 1989: 44 сл.).

Любопытно, правда, что и Березань, и Пантикапей, как будет сказано ниже, на раннем этапе развития были застроены теми же самыми полуземлянками, что и агломерации, так что эта концепция, в общем, лишена серьезной фактологической базы. Критикуя ее, К.К.Марченко указал на недопустимость ставить знак равенства между такими явлениями, как древнегреческое государство и город (Марченко 1994: 96). А.С.Русяева, приводя конкретные данные о существовании апойкии в Нижнем Побужье по крайней мере с начала VI в. до н.э., считает, что вряд ли процесс колонизации района носил стихийный характер (Русяева 1994: 103). Ю.Г.Виноградов даже полагает, что имеющиеся материалы по-

звонят говорить об Ольвии как о заранее запрограммированном городском и административном центре (Виноградов 1989: 47).

Отвлекаясь от деталей дискуссии, следует признать, что методологической или, скорей, мировоззренческой основой концепции о стихийной линии колонизации является представление о полисе как о городе-государстве, а значит, если нет города, то нет и полиса. Подобный взгляд, правда, не чужд и для некоторых противников этой концепции, о чем будет сказано ниже. Однако уравнивание Ольвии с другими сельскими поселениями района представляется абсолютно недопустимым. Многие факты заставляют считать Ольвию центром полиса с самого момента возникновения. Среди них — размеры поселения, существование на территории Верхнего города уже в 80-60 гг. VI в. до н.э. теменоса со святилищами Аполлона Врача и Матери Богов (Русяева 1991: 124 сл.; она же 1998: 164). Второй половиной VI в. до н.э. или, может быть, третьей его четвертью датируется любопытный эпиграфический документ, связанный, очевидно, с полученным в Дидимах пророчеством, в котором, в частности, имеется пожелание мира “Ольвийскому полису” (см. Русяева 1986: 26, 50 сл.; она же 1987: 146; она же 1998: 168; Виноградов 1989: 65-66; Буркерт 1990: 155, 160). Иными словами, Ольвия уже в это время безусловно была полисом, но урбанистического центра этот полис не имел. Такое положение, разумеется, необходимо как-то объяснить, конкретизировать, и попытка такого объяснения будет дана ниже, когда речь пойдет о становлении греческих городов Северного Причерноморья. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на сложность полиса как формы политической организации Древней Греции.

В связи с этим приведу хорошо известное свидетельство Павсания о фокейской Панопее: “Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как нет в нем ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни площади, ни водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями, и на всефокейское собрание они тоже посылают своих представителей” (10. 4, 1; перевод С.П.Кондратьева). Вряд ли можно сомневаться, что Павсаний здесь описывает полис без выраженного городского центра. Почему бы не предположить, что, к примеру, и Ольвия на начальном этапе представляла собой что-то подобное. Следует обратить внимание, правда, что в научной литературе существует весьма критическое отношение к информационным возможностям столь позднего источника, как “Описание Эллады” Павсания, точнее, к возможности перенесения этой информации на более раннее время (Alcock 1995; Rubinstein 1995). Пони-

мая безусловную специфику источника, все-таки не нахожу возможным игнорировать его информацию, поскольку ранние греческие полисы, как представляется, имели облик, более близкий Панопее, чем Афинам V в. до н.э. (см. Андреев 1976: 13-32; Snodgrass 1981: 31).

Еще один пример из Геродота: перед Саламинской битвой коринфянин Адимант обвинил Фемистокла в том, что тот не имеет родины и полиса, так как Афины были уже захвачены персами, а значит, он не должен был иметь права голоса. Фемистокл доказал, что имеет и полис, и родную землю, поскольку афиняне располагали самой большой эскадрой, состоявшей из 200 кораблей (Herod. 8. 61). Признавая полемическую заостренность этого суждения Фемистокла, все-таки следует признать, что для него в тот момент афинский полис находился на кораблях, то есть представлял собой, так сказать, чистый вариант гражданской общины. В унисон этому звучит утверждение Никия в “Истории” Фукидида: “Ведь полис — это люди, а не стены и не порожние корабли” (7. 77.7). Можно привести и не менее авторитетное суждение Аристотеля, писавшего, что “полис есть совокупность граждан” (Pol. 3. 1.2, 1275a).

Возвращаясь к северопричерноморским материалам, еще раз напомним, что Ольвия, изначально являясь полисом, то есть коллективом граждан, некоторое время обходилась без городского центра. И, надо сказать, ее пример очень типичен. По существу следует признать, что апойкии Северного Причерноморья на начальном этапе, как правило, не представляли собой городских центров, что можно рассматривать как своего рода местную особенность. Общий, так сказать, руральный, деревенский облик этих поселений не может вызывать серьезных сомнений. Но признания этого факта все-таки недостаточно, за ним кроется еще одно любопытное явление, на которое редко обращается внимание.

Как принято считать, самая ранняя греческая апойкия, выведенная в Северное Причерноморье на о.Березань, возникла не позднее последней четверти VII в. до н.э. (Виноградов, Доманский, Марченко 1990: 82). Долгое время она была застроена различными типами полуземлянок, переход к наземному домостроительству и создание здесь городской структуры, как показал С.Л.Соловьев, относится к концу третьей четверти VI в. до н.э., через 70-80 лет после основания поселения (Соловьев 1994: 93; он же 1995: 157, 161). Этот исследователь считает, что поселение на Березани возникло на рубеже VII-VI вв. до н.э., то есть позднее, чем это представляется многим другим. По этой причине будет уместно несколько расширить хронологические рамки периода земляночного домостроительства на данном памятнике до 80-90 лет.

Ольвия, всего скорей, была выведена в 590-

580 гг. до н.э. (Виноградов, Доманский, Марченко 1990: 84; Русяева 1998: 167). Кардинальная перестройка, связанная с переходом к наземному домостроительству происходит здесь лишь в начале V в. до н.э. (Крыжицкий 1982: 30; он же 1987: 8 сл.; он же 1993: 42-43), то есть приблизительно через 80 лет существования.

Долгое время считалось, что земляночное домостроительство на ранних греческих поселениях было характерно лишь для Северо-Западного Причерноморья, сравнительно небогатого камнем, а в районе Боспора Киммерийского и особенно Восточного Крыма греки сразу стали возводить наземные здания с использованием камня (см. Блаватский 1957: 13, 24; он же 1964: 28). Исследования последних лет не подтвердили этого представления: земляночные конструкции были открыты в Пантикапее, Мирмекии, Тирамбе, Фанагории, раннем поселении на месте Анапы, то есть, всего скорей, в Синдской Гавани (см. Виноградов Ю.А. 1995а: 157-158; Виноградов, Рогов 1997: 67; Зубар 1998: 133). Сравнительно давно они были открыты в Нимфее, но явно ошибочно отнесены к скифскому поселению, существовавшему здесь до выведения греческой апойки (Скуднева 1954: 309 сл.; Худяк 1962: 13 сл.), раскопки последних лет вполне подтвердили вывод о наличии на городище полуземлянок архаического времени (Butjagin 1997). Исключением из общего правила являются наземные постройки Торики, возведенные не позднее середины VI в. до н.э. (Онайко 1980: 94). Эти постройки демонстрируют определенную специфику освоения греками предкавказской области, но вряд ли позволяют сомневаться в обоснованности обозначенной выше закономерности.

Открытие архаических полуземлянок на Боспоре вызвало негативную реакцию В.Д.Кузнецова (1995: 99 сл.). Этот исследователь вообще отрицает феномен земляночного домостроительства на античных памятниках Северного Причерноморья, мотивируя свою точку зрения, в частности, методическими ошибками археологов, а также плохой сохранностью ранних строительных остатков вследствие их разборки в более позднее время. В связи с этим следует с полной определенностью заявить, что любой специалист, хотя бы раз в жизни раскапывавший полуземлянку, никогда не спутает ее ни с ямой, ни с подвалом. Смущает и уверенность В.Д.Кузнецова в том, что все ранние каменные кладки наземных зданий непременно разбирались. В Торики они почему-то сохранились. Непонятным остается и то, что, к примеру, в Мирмекии были полностью разобраны стены домов второй половины VI в. до н.э., но часто прекрасно сохранились стены начала V в. до н.э. Всего скорей, во второй половине VI в. до н.э. их просто не существовало. Точнее — не существовало каменных кладок наземных зданий, но существовали другие каменные кладки, и они, кста-

ти, неплохо сохранились. В районе мирмекийского акрополя открыта целая серия мощных каменных стен (толщина — 1 м), относящихся к второй половине VI в. до н.э., и, как представляется, в совокупности составляющих самую раннюю оборонительную систему поселения (Виноградов Ю.А. 1995а: 157).

Несмотря на открытие этой весьма показательной системы укреплений, ранний Мирмекий не представляется возможным интерпретировать как город. Абстрагируясь от некоторых характеристик, можно предполагать, что городом по внешним параметрам на этом этапе не был даже Пантикапей, будущая столица Боспорского государства. Названные поселения, скорей, имели вид больших деревень, застроенных к тому же примитивными, полуварварскими по облику жилыми и хозяйственными комплексами.

В Мирмекии наземные здания греческого типа с сырцовыми стенами на каменных цоколях, мощеными каменными плитами дворами, улицами с тротуарами и т.п. стали строиться только с начала V в. до н.э. По времени это совпадает с аналогичным явлением в Ольвии и опять же происходит приблизительно через 80 лет после возникновения поселения (Виноградов Ю.А. 1992: 105). В Пантикапее урбанистическая структура формируется несколько раньше — в последней или третьей четверти VI в. до н.э. (Толстиков 1989: 42; он же 1992: 62), что на сей раз приблизительно совпадает по времени с аналогичными переменами на березанском поселении. Но, всего скорей, Пантикапей возник раньше Мирмекии, — как считается, в начале VI в. до н.э. (Блаватский 1964: 15 сл.; Сидорова 1962: 107 сл.; но ср. Кузнецов 1991: 33; Толстиков 1992: 59 сл.). В таком случае опять можно признать, что кардинальная перемена в жизни будущей боспорской столицы происходит через 70-80 лет с момента ее основания.

Очень показательные, на мой взгляд, результаты были получены при раскопках Керкинитиды в Западном Крыму. Наиболее ранними исследованными здесь строительными комплексами являются опять же полуземлянки, которые были возведены на рубеже VI-V вв. до н.э. (Кутайсов 1990: 70). Однако находки архаической керамики позволяют заключить, что поселение было основано в середине — третьей четверти VI в. до н.э. (Кутайсов 1990: 70; он же 1992: 44-46). Важным моментом в развитии Керкинитиды, как считает В.А.Кутайсов, оказались 70-60 гг. V в. до н.э. "В это время, приблизительно через 70 лет существования открытого поселения, его территория была обнесена мощными каменными стенами, а пространство внутри них разбито по четко выраженной и регулярной планировочной схеме на кварталы. Последние, в свою очередь, были поделены на приблизительно одинаковые участки, застроенные затем жилыми домами типично греческого облика" (Кутайсов 1992: 50; ср. он же 1990: 70, 124). Обрисо-

ванная картина дает наглядный образец развития апойкии от поселения полуварварского облика к структуре урбанистического типа.

Отмеченные особенности, как представляется, весьма показательны и по-своему типичны. Во-первых, они демонстрируют становление (именно становление, а не единовременное строительство!) греческих городов в различных районах Северного Причерноморья. Во-вторых, эти греческие поселения, основанные в различное время (Березань — в последней четверти VII в. до н.э., Мирмекий — во второй четверти VI в. до н.э., Керкинитиды — в середине или третьей четверти VI в. до н.э.), демонстрируют определенное сходство в темпах и направлении эволюции. Городская структура на них формируется приблизительно через 70-80 лет с момента возникновения поселения. Нельзя согласиться с Г.Р.Цецхладзе, когда он указывает на отсутствие такого сходства и подчеркивает, что переход к наземному домостроительству в Ольвии имел место через 10-20 лет после основания апойкии, а на Боспоре Киммерийском — через 50-75 лет (Tsetskhladze 1997: 59). Если последнее хронологическое определение в известной мере удовлетворительно (ср. Виноградов Ю.А. 1995а: 158), то первое вызывает полное недоумение, поскольку не отвечает никаким археологическим реалиям.

Чем же можно объяснить этот загадочный 80-летний цикл в ранней истории греческих апойкии района? Главное здесь, очевидно, заключается в чрезвычайно низком экономическом и демографическом потенциале коллективов переселенцев. Немногочисленные общины колонистов, попавшие в сложные, непривычные для них условия Северного Причерноморья, должны были пройти определенный период адаптации, связанный, в частности, и с использованием традиции земляночного домостроительства, идея которого была заимствована у местных варварских племен (см. Крыжицкий 1982: 30; он же 1993: 41; Виноградов, Рогов 1997: 67; Tsetskhladze 1997: 59). Вероятно, этот адаптационный период и составлял приблизительно 80 лет, что соответствует жизни двух поколений (Кутайсов 1990: 144; он же 1992: 54; Виноградов, Рогов 1997: 70-71). Если предположить, что на новые земли, в основном, переселялись молодые неженатые мужчины, которые обзаводились семьями уже на месте, находя невест преимущественно среди туземных племен региона (ср. Муггау 1982: 147), то нетрудно подсчитать, что на жизнь третьего поколения придется резкое увеличение населения колонии, которое по масштабам можно сопоставить с демографическим взрывом (Рогов 1996: 84). Может быть, не удивительно, что именно тогда на греческих поселениях Северного Причерноморья происходят масштабные перестройки.

Хочется подчеркнуть, что эти кардинальные перестройки имели принципиальное значение,

знаменуя собой завершение периода адаптации колонистов на новом месте и начало следующего этапа развития организованных здесь колоний. Совершенно неверно, на мой взгляд, трактует этот исторический факт С.Л.Соловьев, который разделяет весьма спорную точку зрения, что северопричерноморские полисы уже с момента выведения могли быть только городами (см. выше). Изучив систему архитектурно-пространственного развития Березани, он пришел к выводу, что в ранней истории этого поселения можно выделить три этапа (Соловьев 1993: 42). Его концепция представляется весьма показательной, поэтому приведу ее более подробно:

1. Вторая половина VII в. до н.э. — этап сезонных контактов греков и варваров на месте будущего поселения.

2. Конец VII — третья четверть VI вв. до н.э. — существование стационарного поселения, населенного, в основном, выходцами из местных варварских племен и немногочисленными греческими купцами.

3. Конец третьей четверти VI — конец первой трети V вв. до н.э. — основание эллинской апойкии с застройкой городского типа.

Прежде всего бросается в глаза, что приведенная гипотеза удивительным образом напоминает эмпириальную теорию греческой колонизации Северного Причерноморья, чрезвычайно популярную в советской научной литературе в 50-60-х гг. Как известно, она сводится к трехчленной схеме развития, — от спорадических заходов греческих кораблей к выведению торговых факторий (эмпориев) на варварские поселения и, наконец, образование на их месте апойкии, которые, конечно, понимались как города (Блаватский 1954: 7-19; Гайдукевич 1949: 11). Преувеличенная трактовка торгового фактора в освоении греками северного берега Черного моря вызвала справедливую критику многих ученых (см. Доманский 1965; он же 1970; Лапин 1966; Брашинский, Щеглов 1979: 34 сл.; Noonan 1973), поэтому концепция С.Л.Соловьева, в общем, лишена серьезного теоретического и фактологического обоснования.

Возникновение Ольвийского полиса он связывает с появлением новой волны переселенцев из Ионии в конце VI в. до н.э. (Соловьев 1993: 41). Вполне очевидно, что это событие опять же увязывается с созданием урбанистической структуры на поселении, которое относится, как уже говорилось, к началу V в. до н.э. С.Л.Соловьев при этом не придает никакого значения тому, что в Ольвии на территории Верхнего города уже в 80-60-х гг. VI в. до н.э. существовал теменос со святилищами Аполлона Врача и Матери Богов, а также и находке граффито второй половины VI в. до н.э. с упоминанием Ольвийского полиса, о чем говорилось выше. Эти факты, однако, позволяют признать, что политическая организация в Ольвии, а надо

думать — и в других северопричерноморских центрах, опережала в своем развитии процесс урбанизации (ср. Kolb 1984: 110).

Не секрет, что обозначенная закономерность в становлении греческих городов Северного Причерноморья весьма существенно отличается от привычной схемы греческой колонизации, прежде всего, от западной ее волны. Достаточно надежно установлено, что греческие колонии на Юге Италии и в Сицилии сравнительно быстро были застроены по типу городских поселений, часто даже имеющих регулярную планировку. В качестве примера можно привести общеизвестный факт такой застройки в Мегаре Гиблее и некоторых других городах (Ward-Perkins 1974: 11, 22-24; Vallet, Villard, Auberson 1976; Kolb 1984: 105 ff.; Di Vita 1996: 266 ff.). В общем, данные центры вполне соответствуют теоретической модели выведения колонии, которую нарисовал В.П.Яйленко. По его мнению, выведение колонии начиналось с сооружения городской стены и нарезания земельных участков внутри стен (ойкопедон) и вне их, на хоре (Яйленко 1982: 242). Но распространение этой модели на Северное Причерноморье и бытующее мнение, что система городской планировки Древней Греции сложилась в результате колонизации в том числе и северопричерноморских областей (Fischer-Hansen 1996: 319), никак нельзя признать адекватным имеющимся археологическим материалам (Крыжицкий 1993: 34).

Любопытно, что и в истории греческих апойки Великой Греции в последние годы удалось выделить начальный период, охватывающий жизнь двух-трех поколений колонистов (Snodgrass 1981: 157; Greco 1996: 236; Di Vita 1996: 264; ср. Murray 1982: 144). На этом этапе греческие переселенцы обитали в достаточно примитивных жилищах, возведенных, однако, в пределах специально спланированных кварталов, часть площади которых оставалась свободной от застройки (Mertens, Greco 1996: 248). В этом отношении следует еще раз обратить внимание, что апойки Великой Греции стали формироваться в виде городских структур, явно опережая свои метрополии (Snodgrass 1981: 42; idem 1986: 49-51; Kolb 1984: 111; Hansen 1993: 11; Di Vita 1996: 264), а ко времени начала колонизации Северного Причерноморья в Греции уже вполне сложились основные градостроительные и домостроительные принципы, которые могли, так сказать, экспортироваться на новые земли (Крыжицкий 1982: 143-144). Так что при некотором вполне объяснимом сходстве двух направлений колонизации, в плане создания урбанистических структур в них имеется принципиальное различие.

Кратко резюмируя изложенное выше, я хотел бы сказать, что развитие греческих полисов и городов Северного Причерноморья следует считать явлениями, безусловно, связанными, но

все-таки отнюдь не тождественными. Всего скорей, небольшие коллективы колонистов, которые появились в различных частях региона, сразу структурировались в виде полисов (гражданских общин). Конечно, в дальнейшем полисы развивались, принимали те или иные формы политической, социальной, экономической организации, но все это происходило в рамках уже существовавших полисов. В этом отношении развитие колониального полиса можно уподобить дереву, которое, вырастая из саженца и во многом изменяя свою форму, все-таки сохраняет сущность, которая заложена изначально. А вот городами греческие выселки региона изначально не были, конечно, при одной оговорке, что городами нельзя считать поселения, застроенные примитивными землянками. Городами они становились приблизительно через 70-80 лет истории в результате экономического и демографического роста полиса. Вряд ли случайно этот вывод совпадает с заключением Г.А.Кошеленко о рождении греческого города в недрах уже существовавшего полиса (Кошеленко 1983а: 220). И в греческой метрополии раннего времени, и в более поздних колониях северного берега Понта, как представляется, происходили типологически близкие процессы социально-экономического развития.

По этой причине никак не могу согласиться с Г.Р.Цецхладзе, который полагает, что до середины VI в. до н.э. северопричерноморские колонии не были полисами, а лишь апойкиями (Tsetskhladze 1997: 59, 81). Конечно, он абсолютно прав, когда указывает на важность таких структурообразующих для полиса элементов, как теменос, агора, ремесленные кварталы и пр., но их появление на обозначенном этапе знаменовало собой, всего скорей, не рождение нового колониального полиса, а важный этап его внутреннего прогрессивного развития. Признавая ранние поселения региона автономными, следует признавать и их полисный статус. В противном случае остается неясным, от кого зависели колонисты, — от метрополии они были отделены слишком большим расстоянием, а скифы на этом этапе вряд ли интересовались внутренним устройством колоний, вполне удовлетворяясь получением дани, которая, скорей, выступала в виде даров вождам (Виноградов, Марченко 1991: 149)

Сугубо предположительно, конечно, можно допустить, что в общий колониальный поток вовлекались небольшие группы, может быть, даже отдельные семьи, которые предпочитали селиться вне крупных коллективов колонистов на хуторах и быть свободными от любого внешнего принуждения. В условиях северного Причерноморья такое явление, однако, вряд ли получило сколько-нибудь заметное развитие или, во всяком случае, такие анахореты наверняка не сыграли заметной роли в освоении греками этого региона. Жизнь на краю ойкумены требо-

вала от колонистов создания сплоченных коллективов — общин землевладельцев, пусть первоначально очень немногочисленных и просто устроенных, но способных к адаптации и дальнейшему количественному и качественному росту. Без осознания своего единства в рамках созданных полисов греки вряд ли могли надеяться на успех в освоении северного берега Понта.

Итак, если судить по хорошо изученным археологически памятникам (Березань, Ольвия, Пантикапей, Мирмекий, Керкинитида), урбанистические структуры формируются здесь через определенный, отнюдь не случайный промежуток времени. Но являлись ли все эти центры с городской застройкой равнозначными и равноценными образованиями? В отношении Ольвии, Березани или Керкинитиды этот вопрос не имеет особой остроты, поскольку все они были центрами полисов, по крайней мере, определенный этап своей истории. В этих полисных центрах, конечно, концентрировались все институты политической власти, культовые святыни, ремесленные мастерские и т.д. Значительно сложней ситуация была в районе Боспора Киммерийского. Выше уже говорилось, что, несмотря на значительное число греческих поселений здесь, в том числе и с урбанистической системой застройки, полисами среди них можно назвать только 6 или 7: Феодосию, Пантикапей, Нимфей, Фанагорию, Кепы, Гермонассу и, возможно, Горгиппию.

В отечественном боспороведении традиционно сложилось разделение всех греческих городов района на столицы (Пантикапей и Фанагория) и так называемые “малые города”. В отношении первой дефиниции возражений быть не может, поскольку она соответствует сведениям письменной традиции (Strabo 11. 2.10; 7. 4). Вторая же относится к категории научной мифологии, поскольку сложилась стихийно, без увязки понятия с какими-либо специально проанализированными письменными источниками и археологическими данными. “Малыми городами”, к примеру, именуется Кепы, колония Милета (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. 6. 18) и Порфмий, выступающий в сообщениях античных авторов как деревня (Anonim. P.Pont. 69,76,117); Мирмекий, имеющий площадь 6 га, Илурат — 2 га и тот же Порфмий — 0.65 га. Всех их, однако, объединяет наличие компактной застройки, а также оборонительных сооружений. Выражая неудовлетворение сложившейся ситуацией, Г.Р.Цецхладзе предложил вообще отказаться от термина “малый город”, а на место его поставить “зависимый полис” (Tsetskhladze 1997: 60, 68). Предложенный им выход, на мой взгляд, вряд ли можно признать удачным, поскольку он базируется лишь на общих соображениях и простой перемене терминов, когда на место одной аморфной дефиниции ставится другая, при этом еще более аморфная и сложная для изучения.

Данная весьма значительная в количественном отношении группа древних памятников Боспора Киммерийского в силу состояния источников может быть исследована прежде всего археологическими методами, и археология позволяет обрисовать их специфику достаточно отчетливо. По мнению Ю.В.Горлова и И.М.Безрученко, малыми городами Боспора можно считать поселения с урбанистическим типом застройки, наличием укреплений и многообразием хозяйственной деятельности. Численность населения таких городов может колебаться от нескольких сотен до нескольких десятков человек (Горлов, Безрученко 1991: 37). В связи с последним тезисом уместно будет поставить вопрос о том, сколько же домов должен насчитывать город, если его общее население составляет, скажем, 50-100 человек. Свообразный ответ на этот вопрос можно найти в работе А.А.Масленникова, посвященной результатам изучения Зенонова Херсонеса (поселение на азовском побережье Керченского полуострова). Описывая ранний этап его истории, автор заключает, что площадь поселения тогда составляла 0.3-0.4 га, а население могло составлять 100-120 человек. Если средняя греческая семья состояла из 4-6 человек взрослых и детей, то получается, что в этом городе одновременно обитало около 15-18 семей, а скорее всего, и того меньше (Масленников 1992: 136). Такой боспорский город трудно назвать даже “малым”, и автор находит для него наиболее подходящее определение — “крохотный” (Масленников 1992: 138). Дефиниция, конечно, не научная, но сам факт ее появления заставляет задуматься над вопросом об отличии “крохотного” городка от средних размеров деревни.

Приведенные факты, на мой взгляд, показательны в нескольких отношениях. Прежде всего, они демонстрируют явную неразработанность проблемы древнегреческого города в районе Боспора Киммерийского, отсутствие четких критериев, базирующихся на анализе письменной традиции и всей совокупности археологических данных, для вычленения городских центров. Вероятно, будет необходимо разработать более четкие, более реалистические количественные критерии, ибо город с населением в 100 человек представляется чем-то почти невероятным. Это казалось невероятным и в древности. В качестве примера можно указать, что Филипп Македонский расселил фокейцев по деревням, которые должны были иметь не более 50 домов (Diod. 16. 60,2), а значит, имелись и более крупные поселения такого рода. По свидетельству Павсания, 60 человек ютились в развалинах города Марпесса (10. 12,2), а Ледонт, в котором сохранилось 70 жителей, городом уже не считался (10. 33,1). Любопытно правда, что полисом он, как и Панопея, по всей видимости, был и имел право посылать своего представителя на общее собрание фокейцев.

При теоретическом осмыслении таких поселений, вероятно, уместнее будет употреблять не устоявшиеся общеисторические понятия, а более специальные термины типа “урбанистической структуры” или предложенного Ю.В. Андреевым “квазигорода” (Андреев 1987: 7 сл.; он же 1989: 12). В отношении количественных критериев можно указать на разработку В.М. Отрешко и С.Б. Буйских, которые считают, что малые города Ольвийского государства первых веков н.э. имели население 1000-1500 человек (1989: 110).

С другой стороны, даже пример с Зеноновым Херсонесом демонстрирует один важный факт, о котором уже говорилось выше: боспорские поселения, пусть первоначально весьма небольшие и примитивные по структуре, могли разрастаться и со временем превращаться в городки и города, во всяком случае, по своим внешним признакам. Но чем они являлись по своей сущности, какие функции выполняли в системе социально-экономических связей района, пока еще остается не вполне ясным. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, который представляется принципиально важным, можно даже сказать — фундаментальным, необходимо обратиться к результатам археологического изучения этих городов, хотя сразу необходимо подчеркнуть, что изучены они отнюдь не в равной степени. Несмотря на все это, своеобразие “малых городов” Боспора даже на имеющихся материалах выявляется достаточно рельефно.

Прежде всего, о малых городах как о центрах ремесленного производства нам почти ничего не известно. Несколько эллинистических литейных форм из Мирмекия (Пругло 1965: 72 сл.), обломки матриц для изготовления “мегарских чаш” (Гайдукевич 1958: 209, рис.66; он же 1959: 78, рис. 85; Гайдукевич, Михайловский 1961: 131, рис.3), а также штамп из Тиритакки для изготовления бляшек (Гайдукевич 1940: 298 сл.) не дают оснований для слишком большого оптимизма в этом вопросе. Материалы о ремесленном производстве в полисных центрах, начиная с самых ранних этапов их развития, напротив, известны сравнительно неплохо. Мастерская VI в. до н.э. по производству расписной керамики открыта в Нимфее (Скуднова 1957: 73 сл.; Худяк 1962: 45). Аналогичная мастерская известна в Пантикапее (Марченко 1967: 146 сл.), в этом же центре производилась и простая керамика (Кругликова 1957: 96 сл.). Кроме того, в Пантикапее открыта металлообрабатывающая мастерская VI в. до н.э. и мастерская оружейника (Марченко 1957: 160 сл.; она же. 1971: 146 сл.), имеются данные о художественной обработке металла (Трейстер 1984: 156). Весьма любопытна находка литейной формы конца VI в. до н.э. для изготовления предметов в скифском зверином стиле (Марченко 1962: 51 сл.), в которой, вероятно, отливались детали парадных

скифских мечей (Трейстер 1992: 74-75). Несмотря на некоторое отставание от Ольвии в плане развития бронзолитейного производства (Блаватский 1959:50) — к примеру, там открыто уже около ста литейных форм (см. Фурманьска 1963; Лейпуньска 1984; Денисова 1994:78), то есть значительно больше, чем на Боспоре, — следует согласиться с М.Ю.Трейстером, который считает, что бронзолитейное производство Пантикапея переживало расцвет во второй половине VI — начале V вв. до н.э. (1992: 73).

Особое значение Пантикапея и Нимфея на европейском Боспоре в плане развития ремесла в VI-V вв. до н.э. на основании приведенных фактов представляется вполне очевидным. На азиатской стороне столь же явно выделяется Фанагория. С конца VI в. до н.э. здесь фиксируется производство простой расписной керамики и терракот (Цветаева 1972: 21 сл.; Долгоруков 1990: 34), с V в. до н.э. — архитектурной терракоты (Сорокина 1956: 171 сл.). На городище к тому же открыты остатки мастерской конца VI — первой половине V вв. до н.э. с бронзолитейной печью. В этой мастерской наряду с другими материалами был найден обломок глиняной формы для отливки бронзовой скульптуры (Долгоруков 1986: 145 сл.).

Если говорить о культурной жизни боспорских городов, то наиболее информативные материалы по этому вопросу, как известно, открыты при раскопках Нимфея, где был исследован целый комплекс святилищ (Худяк 1952: 232 сл.; он же. 1958: 83 сл.; он же. 1962: 18 сл., 36 сл.). Совсем недавно здесь к тому же было обнаружено скопление архитектурных деталей ионического ордера, относящихся, как считает О.Ю.Соколова, к храму в антах, который был построен в Нимфее во второй половине V в. до н.э. (Соколова 1997: 143 сл.).

О монументальных культовых постройках Пантикапея прежде всего можно судить по архитектурным остаткам. В первую очередь, это храм Аполлона Врача, возведенный в первой половине V в. до н.э., и святилище Деметры (Пичикян 1984: 156 сл., 173 сл.). Есть основание предполагать существование здесь храма Артемиды Эфесской (Розанова 1960: 132; Трейстер 1990: 41). Находка капители ионического ордера в Гермонассе, датировку которой трудно отодвигать за рубеж VI-V вв. до н.э. (Арзаманов 1989: 53), позволяет предполагать, что монументальное здание здесь было построено еще раньше, чем храм Аполлона в Пантикапее.

В Фанагории были изучены остатки храма в антах, относящегося к V в. до н.э., в котором, вероятно, почиталась Афродита (Кобылина 1983: 56 сл.). В Келлах остатков ранних храмов не открыто, но весьма вероятно, что они существовали. Во всяком случае, археологические материалы, прежде всего, граффиты указывают на широкое почитание здесь Афродиты начиная с VI в. до н.э. (Сокольский 1973: 86 сл.).

Материалы малых боспорских городов, свидетельствующие об их культовой жизни VI-V вв. до н.э., гораздо менее представительны. Конечно, и в них имелись святилища отдельных божеств. Так, в отношении Мирмекия есть основания предполагать, что здесь уже в первой половине V в. до н.э. существовал священный участок, где почитались Аполлон Врач, Геракл, нимфа и, может быть, другие божества (Виноградов, Тохтасьев 1998: 25, 36). Однако наиболее показательными культовыми памятниками здесь являются так называемые зольники, которые исследовались в Мирмекии и Китее (Гайдукевич 1965: 28 сл.; он же 1987: 65 сл.; Молева 1995: 42 сл.). Почитание этих любопытных памятников, вероятно, в определенной степени было связано с религиозными представлениями местного варварского населения (Денисова 1981: 111; Виноградов Ю.А. 1992: 110-113).

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что в районе Боспора Киммерийского, наиболее сложном для изучения греческой колонизации и греческих городов Северного Причерноморья, городами были отнюдь не все известные в научной литературе поселения городского типа. Городами в полном смысле этого слова, всего скорей, следует считать лишь названные выше 6-7 полисных центров, а остальные так называемые «малые города» представляли собой своеобразную систему организации

сельской территории (хоры) этих полисов. Такая система, по всей видимости, сложилась как ответ на своеобразную демографическую ситуацию района, связанную с периодическими передвижениями через пролив какой-то части скифской кочевой орды, а также близостью к Боспору такого опасного соседа, как Предкавказская Скифия. В этой ситуации безопасней было селиться сравнительно крупными коллективами в местах, удобных для обороны, на небольшом расстоянии друг от друга. Эти первые поселения на хоре полисов со временем превратились в своего рода аграрные городки (Виноградов Ю.А. 1993: 94; он же 1995: 68; Tsetskhladze 1997: 72, 81).

В других районах греческой колонизации северного берега Понта картина рисуется не столь запутанной по одной причине, — здесь просто было выведено меньшее число колоний. От этого проблема развития колониальных полисов и греческих городов в ее внутреннем, сущностном выражении, разумеется, представляется не менее сложной, и данная работа, конечно, ни в коей мере не может претендовать на сколько-нибудь полное, систематическое раскрытие этой грандиозной темы. Задача ее скромней: продемонстрировать те аспекты проблемы, которые представляются актуальными, важными в настоящее время, в разработку которых может внести вклад наука сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. Москва: Наука
- Андреев Ю.В. 1976. Раннегреческий полис. Л.: Изд. ЛГУ
- Андреев Ю.В. 1987. Ранние формы урбанизации // ВДИ 1: 3-18
- Андреев Ю.В. 1989. Островные поселения эгейского мира в эпоху бронзы. Ленинград: Наука.
- Андреев Ю.В. 1989а. Гражданская община и государство в античности // ВДИ 4: 71-74
- Андреев Ю.В. 1998. Цена свободы и гармонии. СПб.: Алетейа.
- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка
- Арзаманов Г.Ф. 1989. Архаическая капитель из Тамани // ВДИ 4: 49-54
- Блаватский В.Д. 1954. Архаический Боспор // МИА СССР 33: 7-44
- Блаватский В.Д. 1957. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1949 и 1952-1953 гг. // МИА СССР 56: 5-95
- Блаватский В.Д. 1959. О боспорском ремесле VI-I вв. до н.э. // СА 29-30: 42-57
- Блаватский В.Д. 1964. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. Москва: Наука
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. 1979. Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: 7-29. Тбилиси
- Болтунова А.И. 1964. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ 3: 136-149
- Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. 1979. Некоторые проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: 29-46. Тбилиси
- Буркерт В. 1990. Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ 2: 155-160
- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли. Москва: Прогресс
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора: 99-120. Москва: Наука
- Виноградов Ю.А. 1993. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. Вып. 9: 79-96. Саратов
- Виноградов Ю.А. 1995. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья: 65-69. Севастополь
- Виноградов Ю.А. 1995а. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ 3: 152-160
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА 1: 145-155
- Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. 1997. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum+. Петербургский археологический вестник: 66-72. СПб., Кишинев
- Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. 1998. Новые посвященные граффити из Мирмекия // Hyperboreus.

- Vol.4. Fasc. 1: 22-47 (St.-Petersburg)
- Виноградов Ю.Г. 1976. О политическом единстве Бerezани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира: 75-84. Москва: Наука
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Москва: Наука
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1990. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII-V вв. до н.э.: 75-98. Тбилиси
- Гайдукевич В.Ф. 1940. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке // СА 6: 298-301
- Гайдукевич В.Ф. 1941. Археологическое изучение Мирмекия // МИА СССР 4: 96-109
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. Ленинград — Москва.
- Гайдукевич В.Ф. 1958. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА СССР 85: 149-218
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Мирмекий. Варшава
- Гайдукевич В.Ф. 1965. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА 103: 28-37
- Гайдукевич В.Ф. 1987. Античные города Боспора. Мирмекий. Ленинград: Наука
- Гайдукевич В.Ф., Михайловский К. 1961. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956-1958 гг. // Исследования по археологии СССР: 127-138. Ленинград
- Горлов Ю.В. 1990. Эллинистический Родос // Эллинизм: экономика, политика, культура: 186-222
- Горлов Ю.В., Безрученко И.М. 1991. Малые города Боспора (к постановке проблемы) // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. 1: 36-38. Симферополь
- Грацианская Л.И. 1988. "География" Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986: 6-175. Москва: Наука
- Грач Н.Л. 1972. К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ 3: 133-141
- Денисова В.И. 1981. Коропластика Боспора. Ленинград: Наука
- Денисова В.И. 1994. Литейная форма мастера Гигесия из Ольвии // АВ. № 3: 78-87
- Долгоруков В.С. 1986. Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры: 145-149. Москва: Наука
- Долгоруков В.С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА 197: 30-37
- Доманский Я.В. 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ 7: 116-141
- Доманский Я.В. 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ 12: 47-53
- Завойкин А.А. 1998. Синдская Гавань (Синд) — Горгиппия // ВДИ 3: 134-145
- Зубарь В.М. 1993. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев: Наукова думка
- Зубарь В.М. 1997. Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху. Киев: Наукова думка
- Зубарь В.М. 1998. З приводу інтерпретації житлово-господарських комплексів в ранніх шарах античних міст Північного Причерномор'я // Археологія 1: 129-136
- Карасев А.Н. 1955. Архитектура // Античные города Северного Причерноморья: 188-214. Москва-Ленинград
- Кобылина М.М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА 2: 51-61
- Козловская В.И. 1984. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. Москва.
- Козуб Ю.И. 1979. Предместье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры 2: 316-325. Ереван
- Колобова К.М. 1951. Из истории раннегреческого общества (о Родос IX-VII вв. до н.э.). Ленинград: изд. ЛГУ.
- Кошеленко Г.А. 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. Москва: Наука
- Кошеленко Г.А. 1983. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция I: 9-36. Москва: Наука
- Кошеленко Г.А. 1983а. Полис и проблема развития экономики // Античная Греция I: 217-246. М.
- Кругликова И.Т. 1957. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее VI-III вв. до н.э. // МИА СССР 56: 96-138
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка
- Крыжицкий С.Д. 1987. Основные этапы развития // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время: 5-8. Киев: Наукова думка
- Крыжицкий С.Д. 1989. До історії колонізації Нижнього Побужжя // Археологія 3: 40-50
- Крыжицкий С.Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б. 1988. Структура архаического поселения Нижнего Побужжя // Археологія 63: 1-8
- Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа: 3-17. Киев: Наукова думка
- Кузнецов В.Д. 1995. Ранние типы греческих жилищ в Северном Причерноморье // Боспорский сборник 6: 99-126. Москва
- Кутайсов В.А. 1990. Античный город Керкинитиды VI-II вв. до н.э. Киев: Наукова думка
- Кутайсов В.А. 1992. Керкинитиды. Симферополь
- Лалин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка
- Латышев В.В. 1909. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В.В. ПОНТИКА: 60-128. СПб.
- Лейпунська Н.О. 1984. Ливарні форми з Ольвії // Археологія. 45: 68-74
- Максимова М.И. 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Москва-Ленинград
- Марченко И.Д. 1957. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА СССР 56: 160-173
- Марченко И.Д. 1962. Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея // КСИА 89: 51-53
- Марченко И.Д. 1967. Местная расписная керамика Пантикапея VI-V вв. до н.э. // СА 2: 146-154
- Марченко И.Д. 1971. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА 2: 146-156
- Марченко К.К. 1994. "Стихийная линия" греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ 4: 92-99
- Маслеников А.А. 1992. Зенонов Херсонес — город на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора: 120-173. Москва: Наука
- Молев Е.А. 1997. Политическая история Боспора VI-

- IV вв. до н.э. Нижний Новгород: Изд. Нижегородского университета
- Молева Н.В. 1995. Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет: 42-48. Санкт-Петербург
- Онайко Н.А. 1980. Архаический Торик. Античный город Северо-Восточного Понта. Москва: Наука
- Отрешко В.М., Буйских С.Б. 1989. Малые города Ольвийского государства // Проблемы скифо-сарматской археологии. Тез. докл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н.Гракова. I: 110. Запорожье
- Пичикян И.Р. 1984. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. Москва: Наука
- Пругло В.И. 1965. Литейная форма из Мирмекия // КСИА 103: 104-107
- Рогов Е.Я. 1996. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ 1: 70-84
- Розанова Н.П. 1960. Посвятительная надпись Артемиды Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 году // ВДИ 3: 130-132
- Рубан В.В. 1977. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья": 42-44. Ленинград
- Русяева А.С. 1986. Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ 2: 25-64
- Русяева А.С. 1987. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время: 134-154. Киев
- Русяева А.С. 1991. Исследования западного теменоса Ольвии // ВДИ 4: 123-138
- Русяева А.С. 1994. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ 4: 99-106
- Русяева А.С. 1998. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ 1: 160-170
- Свенцицкая И.С. 1960. Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии // ВДИ 3: 89-104
- Сидорова Н.А. 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА СССР 103: 94-148
- Скуднова В.М. 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА 21: 306-318
- Скуднова В.М. 1957. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н.э. // КСИА АН УССР 7: 73-75
- Соколова О.Ю. 1997. Новые находки из Нимфея // Боспор и античный мир: 143-147. Нижний Новгород
- Сокольский Н.И. 1973. Культ Афродиты в Келах конца VI-V вв. до н.э. // ВДИ 4: 88-92
- Соловьев С.Л. 1993. О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ 3: 30-43
- Соловьев С.Л. 1994. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ 8: 85-95
- Соловьев С.Л. 1995. Периодизация жилого строительства античной Березани // АВ 4: 153-163. СПб.
- Сорокина Н.П. 1956. Архитектурная терракота из Фанагории // МИА СССР 57: 171-175
- Толстиков В.П. 1989. Некоторые пути изучения центральной части Пантикапея и проблема эллиноскифских отношений в VI-V вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И.Ростовцева: 59-60. Новочеркасск
- Толстиков В.П. 1992. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора: 45-99. Москва: Наука
- Тохтасьев С.Р. 1984. Scythica в "Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья" (Цхалтубо, 1979) // ВДИ 3: 133-143
- Трейстер М.Ю. 1984. Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ 1: 146-160
- Трейстер М.Ю. 1990. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА 197: 37-44
- Трейстер М.Ю. 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения Гос. Музея изобразительных искусств 10: 66-110. Москва
- Фролов Э.Д. 1988. Рождение греческого полиса. Ленинград: Изд. ЛГУ.
- Фурманська А.І. 1963. Бронзоливарне ремесло в Ольвії // Археологія 15: 61-70
- Худяк М.М. 1952. Раскопки святилища Нимфея // СА 16: 232-281
- Худяк М.М. 1958. Два святилища на акрополе Нимфея // Труды Гос. Эрмитажа 2: 83-93
- Худяк М.М. 1962. Из истории Нимфея. Ленинград
- Цветева Г.А. 1972. Производство расписной керамики в Фанагории в VI-V вв. до н.э. // КСИА 130: 21-23
- Циркин Ю.Б. 1981. Массалия и окружающее население // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой Колонизации: 42-50. Тбилиси
- Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н.э. Москва
- Шелов Д.Б. 1981. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации: 232-247. Тбилиси
- Шелов Д.Б. 1994. Проблемы греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ 2: 100-106
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984: 5-187. Москва: Наука
- Шургая И.Г. 1977. Динамика исторического развития боспорских городов // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья": 37-39. Ленинград
- Щеглов А.Н. 1976. Полис и хора. Симферополь
- Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука
- Яйленко В.П. 1982. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. Москва: Наука
- Яйленко В.П. 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. Москва: Наука
- Alcock S.E. 1995. Pausanias and the Polis: Use and Abuse // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2: 326-344. Copenhagen
- Butjagin A.M. 1997. Archaic Dug-outs at Nymphaion // Archeologia. XLVIII: 61-70. Warszawa
- Di Vita A. 1996. Urban Planning in Ancient Sicily // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean: 263-308. Thames and Hudson
- Dunbabin T.J. 1948. The Western Greeks. Oxford. 504 p.
- Fischer-Hansen T. 1996. The Earliest Town-Planning of the Western Greek Colonies, with special regard to Sicily // Introduction to an Inventory of Poleis. Acts of Copenhagen Polis Centre. Vol. 3: 318-332. Copenhagen
- Flensted-Jensen P., Hansen M.H. 1996. Pseudo-Skylax' Use of the Term Polis // More Studies in the Ancient

- Greek Polis: 137-167. Stuttgart
- Fraser P.M. 1995. Citizens, Demesmen and Metics in Athens and Elsewhere // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2: 64-90. Copenhagen
- Fraser P.M., Bean G.E. 1954. The Rodian Perea and Islands. Oxford
- Gajdukevic V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin
- Graham A.J. 1964. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester
- Greco E. 1996. City and Countryside // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean: 233-242. Thames and Hudson
- Hammond M. 1972. The City in the Ancient World. Cambridge
- Hansen M.H. 1993. The Polis as a Citizen-State // The Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 1: 7-29. Copenhagen
- Hansen M.H. 1995. Kome. A Study of How the Greeks Designated and Classified Settlements which were not Poleis // Studies in the Ancient Greek Polis: 45-81. Stuttgart
- Hansen M.H. 1996. ΠΟΛΙΤΕΙΑΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ (Arist. Pol. 1276a 23). The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // Introduction to an Inventory of Poleis. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 3: 7-72. Copenhagen
- Hansen M.H. 1996a. City-Ethnics as Evidence for Polis Identity // More Studies in the Ancient Greek Polis: 169-196. Stuttgart
- Kolb F. 1984. Die Stadt im Altertum. München
- Martin T.R. 1995. Coins, Mints and the Polis // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 2: 257-291. Copenhagen
- Mertens D., Greco E. 1996. Urban Planning in Magna Graecia // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean: 243-262. Thames and Hudson
- Murray O. 1982. Das frühe Griechenland. München
- Noonan T.S. 1973. The origins of the Greek colony at Panticapeum // American Journal of Archaeology 77: 77-81
- Rubinstein L. 1995. Pausanias as a Source for the Classical Greek Polis // Studies in the Ancient Greek Polis: 211-219. Stuttgart
- Schoeffer. 1903. Demoi // RE. V.9: 1-131
- Snodgrass A. 1981. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkley and Los Angeles
- Snodgrass A. 1986. Interaction by design: the Greek city-state // Peer polity interaction and socio-political change: 47-58. Cambridge
- Tsetskhladze G.R. 1997. A Survey of the major urban Settlements in the Kimmerian Bosphoros (With a Discussion of their Status as Poleis) // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis: 39-81. Stuttgart
- Vallet G., Villard F., Auberson P. 1976. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaïque. Ecole française de Rome.
- Ward-Perkins J.B. 1974. Cities of Ancient Greece and Italy: planning in classical antiquity. New York
- Woodhead A.G. 1962. The Greeks in the West. London.